ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 4(258) – 2018

За пять минут до ядерной полуночи

Шпионское реалити и не только

Современный шпионский детектив, а его кино- и телеверсии особенно, – это

оглушительная стрельба из всех калибров, драки с мозгами на вынос, погони на всем, что движется, уничтожение десятков, а то и сотен бандюков, взрывы на грани апокалипсиса. И все это кое-как нанизано на шампур тайны, где каждая последующая мизансцена круче и громче предыдущей.

Сергей БЕЛОВ

В общем, сплошной экшн, в котором растворились скрытое противодействие, психологизм драмы, напряженный поединок, аналитическая работа спецслужб.

Но… В одном из интервью гениальный советский разведчик-нелегал Геворк Вартанян сказал замечательную фразу о том, что работа разведки и контрразведки заканчивается там, где начинается стрельба.

Именно в этом и есть авторская сверхзадача: написать современный политический детектив, в котором герои прежде всего думают и только в крайнем случае стреляют, и где захватывающий и напряженный сюжет – не самоцель, а средство показа тайной борьбы спецслужб во всей ее сложности, опасности, непредсказуемости и драматизме.

Недавно вышедший в московском издательстве "Вече" политический детектив Александра Витковского "За пять минут до ядерной полуночи" книга из этой редкой и давно забытой категории добротной литературы, по которой уже давно соскучился российский читатель.

Еще в рукописи мне довелось прочитать полный вариант этой увлекательной, интересной, во многом трагичной, хотя и не без легкой иронии написанной книги. Побывал я на ее презентации в Булгаковском доме, поучаствовал в обсуждении на площадке Международного сообщества писательских союзов, послушал отзывы литераторов, профессионалов спецслужб, креативных продюсеров, редакторов и журналистов.

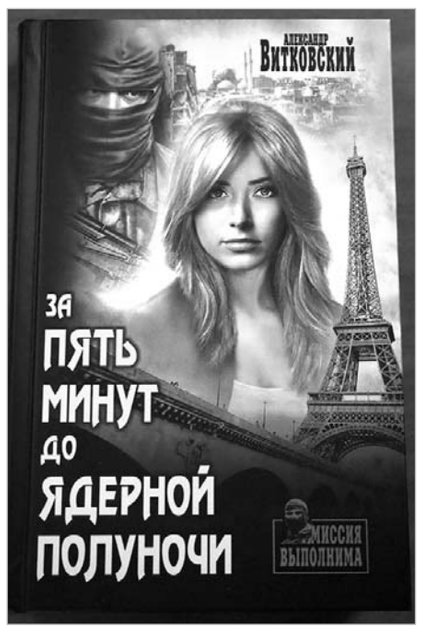
Интерес к книге понятен. Шпионаж, торговля оружием, борьба с терроризмом, противодействие специальными силами и средствами расширению ядерных арсеналов стран-изгоев – не помню, чтобы под одной обложкой встречался такой спектр актуальных и современных проблем. Все это интересно задумано и профессионально изложено как с точки зрения литературы, так и глубокого знания материи всех описываемых событий – будь то шпионская тайниковая операция, вербовочный контакт, захват заложников или обсуждение многомиллионной сделки по поставке современных видов боевой техники. И в центре этого круговорота событий – обычные люди, наши современники.

Основу интриги, на которой держится сюжет, трудно назвать правдоподобной. (Наверное, это мнение и самого автора, если судить по эпиграфу.) Но книга пронзительно реалистична, реалистична до нюансов, хотя и без творческих преувеличений не обошлось. Здесь все правдиво и все по-настоящему: люди, их поступки, слова, мысли, переживания, тонкости работы спецслужб, киберпшионаж, оперативно-политическая обстановка и окружающий быт.

Фантастична лишь совместная тайная спецоперация, которую задумали спецслужбы США и России. Хотя, кто знает, где в работе спецслужб правда, а где вымысел, и что есть истина, а что – легенда.

Любопытна жанровая принадлежность книги. Автор позиционирует свой труд как современный политический детектив-симулякр. Звучит интригующе и необычно. Все пояснения читатель найдет в тексте. Симулякр – имитация того, чего нет и никогда не было на самом деле, но что весьма правдоподобно выглядит и чему все безоговорочно верят.

В этом гвоздь детективного сюжета книги, той секретной многоходовой операции, которую в эпоху глобализации задумало провести разведсообщество двух постоянно враждующих стран (уже нестандартная интрига) в интересах нераспространения ядерного оружия. В общем, симулякр как абсурд и апофеоз большой тайной политики, в сфере которого живут и действуют реальные люди, то есть все мы.



Однако издательство решило по-своему, определив повествование как роман, существенно повысив планку требований к этому литературному произведению.

Что ж, не буду спорить.

В книге есть все, что отличает качественный детектив с острой и напряженной интригой под покровом тайны, и то, что характерно для романа с его человеческими страстями, социальными противоречиями и внутриличностными, на грани срыва конфликтами в кризисных обстоятельствах. Но где тот рубеж, что отделяет роман от современного политического детектива?

Поэтому я бы определил жанровую принадлежность этой книги абсолютно нелитературоведческим термином: шпионский, если хотите – тайный или секретный реализм, а говоря современным языком – шпионское реалити. Уверен, о работе спецслужб эта книга повествует больше и правдивее, чем телевидение, печать и кино вместе взятые. Именно об этом говорили сотрудники тайных ведомств нашей страны на читательских встречах с автором.

Одна из сюжетных линий – поставка российского оружия зарубежным партнерам на миллионы долларов.

Но самое дорогое, главное и непобедимое оружие страны – это сила духа ее народа, его язык, как глубинное отражение русскости. Хотите пример из настоящего, только что пережитого? Пожалуйста – гибель в Сирии российского летчика Романа Филипова и его последние слова: "Это вам за пацанов!".

Что же до авторского языка романа, то он, на мой взгляд, достаточно сложен для понимания современным читателем, особенно молодым поколением, привыкшим к стилистике и примитиву СМС-сообщений.

Судите сами: активный словарь романа "За пять минут до ядерной полуночи" – более 26 тысяч слов, а словарный запас среднестатистического россиянина – всего 3-4 тысячи, взрослого человека с высшим образованием не превышает 9-и тысяч. Значительно выше современного книжного уровня и средняя длина предложений в книге – примерно 110 знаков.

Не удивляйтесь, я сам был изумлен, случайно обнаружив все эти цифры в подробном лингвостатистическом анализе текста этого детектива на одном из сайтов в интернете.

От себя, как профессиональный драматург, добавлю: "За пять минут до ядерной полуночи" – это нормальный русский язык без признаков "нервного срыва": образный, сочный и колоритный, в который вчитываешься, и он становится понятным и ясным. (Вот написал и подумал: неужели мы уже докатились до того, что нужны усилия, чтобы вникать в то, что очевидно и доступно по определению?)

Справедливости ради хочу отметить, что иногда текст книги отдает журналистской прямотой и даже непритязательностью. Как в старой истине: журналистика – это давно известные слова, расставленные в давно известном порядке, а литература – это наилучшие слова в наилучшем порядке.

Впрочем, репортерский язык на грани штампа и безыскусность позволительны детективу, но не самый лучший вариант для романа.

На одной из читательских встреч некий автор порадовался возмущенному замечанию читателя, что в книге много мата. Присутствующие напряглись.

Безусловно, дискуссия о ненормативной лексике в литературе то затихает, то вспыхивает вновь. Уже есть закон о запрете нецензурных слов, но как же быть с правдой жизни и ее отражением в литературе?

И тут не могу не вспомнить Валентина Распутина. Он говорил, что мастерство писателя в том и состоит, чтобы без использования ругательств создать у читателя реальное и образное впечатление о персонаже-матерщиннике.

Недовольство читателя – как раз тот самый случай, поскольку в книге "За пять минут до ядерной полуночи" нет ни одного похабного слова. Но какое яркое впечатление о Воване, корабельном стармехе, который матерился на зависть дембелям стройбата, где трехэтажным матом не ругаются, а изъясняются!

При весьма критичном отношении автора к "святым девяностым", немного найдется книг в отечественной литературе двух последних десятилетий, более патриотичных, чем эта. Здесь нет патетики подвига, но есть непобедимая смеховая героика – та самая, что сродни могучему хохоту, который грохочет с картины Ильи Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану".

И еще одно качество, присущее нашим людям и точно подмеченное в тексте: сострадание.

Один из героев, наш соотечественник, силою обстоятельств ставший предателем, достоин не столько презрения и ненависти читателя, сколько сочувствия и жалости. Впрочем, не могу удержаться от ставшей уже банальной сентенции: понять и пожалеть еще не значит простить.

И тут же вопрос: а что сделали бы вы, окажись в подобной ситуации?

Не могу не сказать о том, что утратил книжный вариант, почти на четверть сокращенный по сравнению с рукописным. Потери, на мой взгляд, не трагичны, мало заметны, хотя и существенны.

Пропали выдержки из современных отечественных и зарубежных СМИ, открывающие каждую новую главу. А ведь они были не только привязкой ко времени и социально-политическим пейзажем, на фоне которого разворачиваются события книги.

Подобно кадрам кинохроники в художественных фильмах о войне, эти строки добавляли в текст документальность, объективность, достоверность и правду.

Вырезаны из книги и занимательные исторические "изюминки", придававшие современному тексту особый интерес и шарм.

А появились (хотя и немного, но все равно – обидно), текстологические и даже фактические ошибки, без которых не обходится ни одна работа, сделанная в спешке. К чести автора, он сам признает эти огрехи, допущенные им в процессе этого "обрезания". Сокращены в книге и аналитические страницы, больше похожие на секретные докладные записки спецслужб президенту страны. Может быть, это и к лучшему.

Вряд ли стоит перегружать литературный текст бюрократическими справками, хотя кому-то это, наверное, было бы интересно.

И последнее. Сейчас многие кинорежиссеры и продюсеры в поиске оригинальных и незаезженных сюжетов. Наверное, не там роют или не то ищут. Скажу, как драматург, чьи пьесы ставились на подмостках более пятисот театров страны: шпионское реалити "За пять минут до ядерной полуночи" – это практический готовый сценарий захватывающего телесериала, во время демонстрации которого будут пустеть улицы и зашкаливать рейтинги.

Вот только реализовать эту идею должны профессионалы, равные по своему творческому уровню автору этой книги.

А пока мне остается поддержать авторскую идею: пусть глобальные интересы, противоречия и угрозы мировой политики выясняют и предотвращают интеллектуалы спецслужб в тиши своих кабинетов, нежели армейские генералы на полях сражений.

Жертв несоизмеримо меньше…

Вещь и контекст

Владимир КЛЮЧНИКОВ

Проблемы анализа и перевода художественных произведений

В советские годы существовало две школы анализа художественного произведения. Биографический и формальный. Сторонники первого метода активно настаивали на позиции анализа произведения, основываясь на биографии автора. Будучи уверенными в том, что именно там истинный ключ к шифру.

Их оппоненты – сторонники формальной теории, настаивали на обратном.

Поэтому формальный метод нацелен на рассмотрение исключительно конструктивной стороны произведения, игнорируя идеологическую.

Идеологическая эпоха соцреализма сменилось постмодернизмом, а следовательно и подходы к изучению новых текстов должны быть другими.

Нельзя мерить одним лекалом произведение "Чапаев" Дмитрия Фурманова и дуальный роман Виктор Пелевина "Чапаев и Пустота", несмотря на то, что оба произведения имеют общих главных героев.

В целом интерпретация отдельно взятого художественного текста не имеет бесконечности. У каждого произведения есть чёткие границы, установленные литературоведами путём научных исследований.

Произведения, ставшие классикой, представляют из себя вселенную смыслов и подтекстов. Но когда исследователь пытается найти в каноническом тексте новые смысловые грани, порой ситуация доходит до полярных противоречий.

Возьмём для примера фэнтези-эпопею "Властелин колец" профессора Джона Толкина. Немецкие литературоведы, анализируя данное произведение, утверждали: "Толкин подробно пишет, что Мордор – это государство, находящиеся на востоке.

А что у нас на востоке? Правильно, СССР. А чёрный властелин Саурон, никто иной как Сталин".

Наши советские литературоведы не отставали от немецких коллег и выдвинули свою теорию: "Германия разделена на две части, ФРГ и ГДР. А властелин Саурон, конечно же, образ ожившего Гитлера".

И та и другая интерпретация являют собой спектр адекватности, только всё зависит от социально-политического режима страны, где она в итоге будет применима.

Именно поэтому любой анализ литературного произведения напрямую зависит от контекста применения и должен иметь в обязательном порядке собственный спектр адекватности.

Ещё один исследовательский пример. В девяностые годы двадцатого века, в одной российской колонии строгого режима провели эксперимент. Осуждённым за убийство зекам предложили в добровольно-принудительном порядке прочитать роман Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание".

А после того, как роман был прочитан, по согласованию с руководством колонии среди осуждённых был проведён конкурс сочинений, где им предлагалось описать свои эмоции и впечатления от прочитанного романа. На кону стоял главный приз – внеочередное свидание с родственниками.

Эпистолярная борьба накалилась до предела. Что придало содержанию сочинений неподдельную правдивость. Один из заключённых написал: "Ну, кто так убивает?! Через весь город с топором… Всё это враньё, настоящего преступника никогда не тянет вернуться на место преступления".

А вот сочинение другого зека: "Вообще, да… Такое бывает, когда кого-нибудь убьёшь. Надо просто ещё кого-нибудь завалить! Тогда тебя как бы переколбасит и отпустит!".

Исходя из прочитанных сочинений, мы смело можем сделать вывод: "Сколько людей – столько и мнений". Именно поэтому необходим – спектр адекватности анализа произведения.

Хотелось бы затронуть и тему перевода художественного текста. Ведь, что есть литература? Музыка слов, гармония сочетающихся между собой предложений. При переводе текста на другой язык, естественно, вся гармония рушится. Когда японцы захотели перевести роман Пелевина "Жизнь насекомых" – произошёл казус.

Правами на издание произведений Пелевина на мировом литературном рынке владело одно французское издательство. Поэтому перевод на японский был осуществлён с французского языка. Русскоязычные фанаты Пелевина замкнули лингвистическую цепочку и перевели обратно с японского на русский роман "Жизнь насекомых".

Получилась абракадабра с едва похожим на оригинал сюжетом. Главное правило переводчика: "Передать основной смысл в ущерб содержанию".

Анализ и интерпретация художественного произведения всегда имеет чёткие границы, а также единый спектр адекватности. Основываясь на научных трудах (статьи, монографии, диссертации и т.д.), можно выявить единый спектр адекватности и безапелляционно руководствоваться им при анализе того или иного художественного произведения.

Хлеб Бывалого

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

О романе Николая Олькова "Хлеб наш насущный"

Пророки всё чаще бросают взор на Западную Сибирь. Утверждают, что русскую столицу пора переносить в Екатеринбург, Омск, Тюмень или, на крайний случай, в Новосибирск, географический центр России. На регион, как будущее земное Эльдорадо, указывали и наш Ломоносов, и американский Кейси. Вокруг неслыханные запасы руд и углеродов. Многие тысячи плодороднейших гектаров, годных и под пашню, и под заливные луга. Здесь выспевают даже арбузы. Я уже не говорю о роскошных садах и огородах. Словом, хлебные места.

Сюда Столыпин переселял миллионы крестьян из средней полосы. Ехали со скарбом, а порой и с разобранными в родном селе храмами, чтобы потом по брёвнышку собрать на новой селитьбе. Кто-то расцвёл, дал крепкие корни. Кто-то сгинул на чужбине. Трудно нашему оседлому человеку превращаться в перекати-поле. Только страшные войны, беды или державный кнут срывают народные массы в дорогу. Может потому не спешит какой-нибудь ярославский или владимирский крестьянин осесть на дальневосточном гектаре.

Про церквушку-путешественницу я вычитал в новом романе известного тюменского писателя Николая Олькова, незамысловато названного "Хлеб наш насущный". Заголовок чем-то напоминает заглавия прокламаций тайного революционного общества середины девятнадцатого века "Земля и воля", окормляемого Герценом, Чернышевским и Писаревым.

Я уж не говорю, что в теме ощущается явная перекличка с повестью Михаила Алексеева "Хлеб имя существительное", сочинявшейся под Брянском, в десяти верстах от сельхозинститута, где ваш покорный слуга рядом с десятками студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки учился на агронома.

Углубившись в ольковский роман, я не удивился, что он состоит из двух частей, названных вполне в духе народничества – "Воля" и "Земля". Правда, цели подпольных антицарских организаций и современного колхоза через полтораста лет не совсем совпадают. Герои "Хлеба нашего насущного" решительно против анархии и, в общем-то, террора, хотя порой открыто, с автоматами и гранатами в руках, воюют тут с кавказцами, нагло захватывающими сибирские предприятия и колхозную землю. Спешащими, пока Сибирь до конца не стала землёю обетованной, захватить все экономические и политические высоты.

Тенденция, едва наметившаяся в известной повести Валентина Распутина "Дочь Ивана, мать Ивана", развернулась в романе другого сибиряка в полновесную проблему государственного масштаба.

Как и народовольцы, борцы за русскую правду во главе с бывшим зеком Родионом Бывакиным, идеологически родственным Робин Гуду и Владимиру Дубровскому, возрождают нечто подобное социализму в отдельно взятом родном селе Лебедево, основанном дружными столыпинскими переселенцами. Потому потомки решительно стоят за коллективизм. В глубины истории даже местные деды на организационном колхозном собрании в 21 веке не вдаются, но им памятны тридцатые годы, когда "гуртом" вступали в первые советские колхозы.

С похожим чувством лебедевцы встречают колонну навороченной иностранной сельхозтехники, пришедшей возродить хлебные нивы и напитать сбалансированными кормами фермы, куда завезут дорогущий элитный скот. "Неужели мы жить начинаем?" – восклицает средних лет тракторист Семён. Из тех, кто сядет за руль навороченного трактора. Забугорные агрегаты пока круче отечественных.

С горечью технический перевес отмечают друзья Бывакина. "Странно, – рассуждают они. – А ведь мы в космос летаем. Почему бы и на земле не сделать отличные машины?". Купленные за валюту Родионом комплексы требуют особых знаний и опыта. Давно ли по всей России механизаторы, прошедшие СПТУ старой формации, недружелюбно встречали ростовские комбайны с первыми компьютерами. Срывали в сердцах электронику. Соединяли обрывки проводов напрямую и яро бросались в битву за урожай.

Понимали ли они, что и на селе время обязательно потребует мощную и надёжную технику. Уже не сыплющуюся чуть не с первых после завода дней в борозду и валок. Именно с новыми технологиями и селекцией, часто пришедшими с Запада, моим брянским землякам удалось сделать неимоверный рывок в производстве хлеба и картофеля. Брянская область стала производить их втрое больше, чем в самые тучные советские годы. Кубань и Белоруссию уже заткнула за пояс. Скажете, то Брянщина. Там губернатором знатный в прошлом местный картофелевод Богомаз. Есть и другие примеры. Пару лет назад меня один журнал попросил написать очерк о крупном омском фермере. Урождённом казаке-переселенце. Написал. Уверял, что хлебороб по урожаям на громадном клине и уровню рентабельности заслуживает Героя Труда. К тому, собственно, шло.

Очерк в рукописи читали всей фермерской блестяще образованной семьёй. Поохали, порадовались и… решили не визировать. Побоялись, что местная власть придерётся к эпитетам и отберёт земельку. Тем более, вокруг заковыристых мелочей со сдачей предприятию в долгосрочную аренду земли уже шли суды. Слишком интеллигентным для войны с администрацией оказался бывший лётчик гражданской авиации, сделавший плантации своим взлётным полем. Наверное, чтобы растить хлеб и никого не бояться, надо быть ольковским Родионом Бывакиным-Бывалым. Тот, не без хлопот собрав воедино паи земляков, розданных новой властью, правильно начал возрождать колхоз с продвинутой почти роботизированной линии. Если бы гайдаровцы не развалили советские заводы, то к нынешним временам те уже сами бы выпускали, скажем, копалки, заворачивающие в тару каждую картофелину. А так пользуйся очередным "Прогрессом", не очень благозвучно звучащим в западном "оригинале".

Лучшим местным механизаторам, призванным Бывакиным из нудного ельцинского запаса, придётся немного подучиться на курсах. Впрочем, это не главное. Родион вскоре с радостью убедится, что вопреки ехидному трёпу либералов русские люди работать и думать не разучились. Вот новой ферме в Лебедево потребовалась вода, и здешний старик точно указал, где надо бурить скважину. Забил ледяной фонтан. Кажется, один из переломных символов романа.

Прошлым летом похожий народный пафос иногда наблюдал на Брянщине. В других же местах русские до лучших времён в своих потрёпанных перестройкой сёлах-"шамбалах" зачастую спят и видят, когда их в певучие горны призовёт Отечество для спасения оного. Тогда, будьте спокойны, фонтаны забьют повсюду. Первые же месяцы свободного "Труда" нового хозяина твёрдо в том убедили. Особенно, когда он с гордостью зашёл в высокую и упругую колхозную пшеницу и не сумел сдержать простые человеческие чувства, проснувшиеся в потомственном хлеборобе.

Творческие и политические подходы лауреата нескольких престижных российских литературных премий Николая Олькова меня ничуть не удивили. Выпускник Литературного института, всю свою сознательную жизнь проживший на Тюменской земле, он, скажу без прикрас, до конца верен её обитателям. Местные хорошо знают

Николая Максимовича. Здесь он работал учителем, корреспондентом, редактором районной газеты. Подсмотрел массу своих героев. Большинство в пореформенные годы благодаря новой власти превратились в "казанских сирот". Не потому ли так глубоко их тронула судьба Родиона Бывакина, пытающегося спасти лебедевцев от поголовного вымирания в годы безвременья. Обычным крестьянским трудом в возрождённом колхозе с символическим названием "Труд".

Во главе всего повествования Хлеб. Подовым караваем в материнском доме. Тонкими ломтиками на ажурной тарелке в семье потомственной княжны Лады Станиславовны Бартеневой-Басаргиной, сопредседателя Имперского собрания, по уши влюбившейся во вчерашнего зека. (Девушка всерьёз мнит, что подбирает окружение будущего государя.) Куском, пропахшим мышами и махоркой, в карцере детской колонии, который надо обязательно сосать, чтоб витамины сразу попали в кровь. Засохшей лагерной пайкой, почётно возлежащей чуть в сторонке от яств на малине у бандитского смотрящего. Первым снопом нового урожая, связанным всей бывакинской семьёй и торжественно перевитым алой лентой. Кто знает, может, этот сноп когда-нибудь и вернётся в герб могучего государства. Пока же он может встать в конторе, рядом с колосистым собратом, чудом тут оставшимся ещё с красных времён.

Родя вовсе не ангел. Деревенский парнишка, угодивший в колонию на четыре года за то, что в драке выхватил из кармана "складешок", но так его и не раскрыл. Автор нам его представляет в тот момент, когда юного зека после двух лет отсидки готовят к пересылу на "настоящую" зону. Голова в розовых шрамах. Нос подправлен ударом. Мальчишка больше месяца уже успел отсидеть в карцере. Явно из тех, кто не склонит свою стриженую голову перед бандитами. Не зря на взрослой зоне его уже ждёт пахан Доктор, готовый доверить Роде свою жгучую тайну. Он же первым назовёт юного Родю Бывалым. Кличка потом прилепится к Бывакину и начнёт свой тернистый путь по зонам и малинам. Авторитет, заочно поверивший по тюремным малявам в честность мальчишки, доверит ему выкопать на воле портфель с кучей долларов. Родион всё ловко провернёт, но Доктор, освободившись по УДО умрёт от рака, успев Родиону завещать свои, Бог весть как нажитые немалые капиталы.

Набравший на воле обороты, обзавёдшийся прожжёнными консультантами, Родион Бывакин толково пустит деньги в приватизационный оборот, создаст собственный строительный комплекс "Командор" (не зря в детской колонии читал классиков, вплоть до Бунина). Плюс два завода по металлу и пластмассе. Не зря губернатор позовёт его в свои нештатные советники по предпринимательству.

А потом Родион кинет взор на агробизнес. (Так, скорее всего, подумают в областном бомонде, привыкшем к красивым речам.) На самом деле, у молодого мужика, исполосованного тюрьмой и тайными приключениями, изболится душа по отчим полям и могилам. Может быть, последней каплей станет смерть матери, выписанная автором с особым мастерством и достоверностью. В директора определит без пяти минут профессора из Новосибирского филиала Академии наук, одобряющего теорию народного сибирского земледельца Терентия Мальцева. Не понаслышке знающего, как растят хлеб: "Надо о завтрашнем дне думать, а не хапать".

Сам Родион тоже в каком-то смысле Хлеб отечества. Хотя не без его команды верные опричники, вчерашние неприкаянные десантники, прошедшие Чечню, убирают соперников и противников, того же "откинувшегося" зека Жмыха, который сильно может напортить делу. Мол, Жмых он и есть жмых. Не Хлеб же.

В любом случае с Хлебом сравнивая Бывакина, думаю, вслед за автором, далеко не о христианском смысле. Какая тут божественность. Наш герой держится от церкви на почтительном расстоянии. Автор уверяет, что Родя не верующий. Боюсь, не соглашусь. Он всё же обвенчается с Анатасией, матерью своего сына Петра, и у четы родится ещё трое детей. Не Бог ли специально дал наследников, чтобы понесли через годы славу агрофирмы "Бывакинская"? Не зря в ней мечтают открыть детсад, бесплатную элитную школу, платить стипендию студентам, желающим вернуться с дипломами в родное село. Сюда возят на экскурсию туристов, а местные с гордостью намекают, что живут чуть ли не при коммунизме. К Бывакину уже является делегация из соседней деревни с просьбой взять их обобранный чеченцем колхоз под своё крыло.

Ну, и какой же роман без любви. Чтобы лучше понять отношение автора к самым высоким чувствам, хочу порекомендовать перечитать письма прадеда и прабабушки княжны Лады (тоже имя с намёком) Екатерины Сергеевны и Алексея Кирилловича. Там есть всё, чем должна гордиться русская душа. Можно сказать, отдельный эпистолярный роман-вставка в "Хлебе нашем насущном".

Мне "Хлеб", как некоторым, вовсе не кажется утопией. Примеров подобных хоть пруд пруди. Даже в моём брянском селе Рохманово колхоз в буржуазные времена возродил местный русский мужик. "А роман ли это?" – спросит дотошный читатель. Самый настоящий! Высокохудожественный и на злобу дня. Не без выходов на вечные истины. В нём есть некоторая перекличка с шолоховской "Поднятой целиной". Не по языку. По тематике. Трагически при выходе из вертолёта погибает губернатор Макар Зенов. Русский мужик, старообрядец. Вместе с помощником расстрелян из снайперской винтовки кавказскими бандитами, оставшимися в живых после гигантской облавы, устроенной по всему городу генералами-силовиками по его же приказу.

Так и хочется вспомнить про донских соловьёв, отпевших "дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову". У Шолохова то была классовая война. А тут она больше напоминает межэтническую, хотя и с явным признаком клановости.

В романе просматриваются параллели. Генералы МВД и ФСБ Рыбаков и Хлыстунов чем-то напоминают царского генерала Густава Гитляйна, от имени императора поставленного для контроля за содержанием преступников. Немного поартачившись, они беспрекословно выполняют требования хозяина области по наведению в ней конституционного порядка. Густав Иванович, как чиновник и порядочный человек, помогает в далёком остроге снять обвинения с незаконно осужденного прадеда дворянки Лады. Таков же человек долга и чести заместитель Зенова Колымынцев. Правильно себя ведёт глава района, к кому Бывакин пришёл с инвестициями для колхоза. Есть и другие честные чиновники в романе. Но они, талантливые, умные, деловые, настоящие державники, абсолютно чужеродны в нынешней государственной Системе. Недаром от них безбоязненно избавляются "приватизаторы".

На мрачном областном фоне Родион Бывакин вообще чужой для всех. Для наиболее непонятливых у него свои методы. Не совсем джентльменские. Но, замечу, действенные. Главный регулятор общественных отношений – его "спецназ", чьи кровавые операции Родион проплачивает. Автор при том заверяет, что на самом Бывакине крови нет. Конечно, подобные способы защиты производства, пусть даже хлеба, не красят героя романа и доведшую его до жизни такой страну. Увы, без бавыкинских "десантников" ничего в селе с красивым названием Лебедево расти не будет. Не дадут. Должен же кто-то сберечь Западную Сибирь от захватчиков до тех славных времён, кои предвещены пророками. И, прошу учесть, не все Родионы в России Раскольниковы. Есть и Бывакины. Впрочем, Раскольников после острога вполне мог бы таковым стать, живи он в двадцать первом веке.